

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТРАДИЦИИ КОЛОКОЛЬНОГО ЗВОНА В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Работа представлена кафедрой композиции
Новосибирской государственной консерватории (академии) им. М. И. Глинки.*

В статье рассматривается современное состояние традиции колокольного звона в России на примере ее функционирования в Новосибирской области. Исследование основано на материалах, собранных автором в экспедициях. Анализ этих материалов указывает на то, что колокольная традиция на территории области не сохранилась, и сегодня она формируется заново.

Ключевые слова: колокольный звон, звонарь, звонница, школа звонарей.

S. Tosin

MODERN CONDITION OF THE PEAL TRADITION IN THE NOVOSIBIRSK REGION

The modern condition of the peal tradition in Russia is considered in the article by the example of functioning of this tradition in the Novosibirsk region. The research is based on the materials collected by the author in expeditions. The analysis of these materials shows that the bell tradition in the region was not preserved and today it is being formed anew.

Key words: peal, bell ringer, zvonitsa, school of bell ringers.

Функционирование конкретной традиционной музыкально-инструментальной культуры возможно лишь при наличии определенных условий. В отношении к православной колокольно-звонной традиции следует выделить, по крайней мере, три таких основных условия. Первое: наличие инструмента, на котором исполняются звоны – звонницы,

представляющей собой оригинальную акустико-механическую систему (с корпусом-резонатором – колокольной, неким количеством вибраторов – набором колоколов, а также механических приспособлений). От того, насколько грамотно с точки зрения традиции сконструирован этот инструмент, зависят его звучание и технико-исполнительские воз-

возможности. Второе условие диктует строгое следование исполнительскому канону в плане православно-уставной регламентации звонов. Третье условие предполагает наличие механизма передачи традиции колокольного звона от поколения к поколению, механизма, который в данном случае носит изустный характер и базируется на тех же принципах, что и школа народного типа. При всем том надо отметить один жизненно важный момент: значительную роль в функционировании традиции играет социокультурный фон, в исторических рамках которого она культивируется.

В настоящей статье на основании высказанных соображений предпринимается попытка охарактеризовать современное состояние традиции колокольного звона в России. Учитывая тот факт, что ситуация, в которой оказалась указанная традиция в XX в., является типичной для всех регионов страны, автор обращается к материалам, собранным за последние 15 лет по Новосибирской области (ранее подобных попыток не предпринималось).

Освещение означенной темы целесообразно начать с характеристики православно-звонничного инструментария, который сложился к началу XXI в.

После социалистической революции 1917 г. в СССР на протяжении многих лет под различными предлогами последовательно истреблялся колокольный арсенал страны. Чаще всего колокола уничтожались вместе с упразднением православных храмов. В Сибири работа по ликвидации церквей велась столь же активно, как и в европейской части России. Например, «к предвоенному 1939 году... на территории Новосибирской области было закрыто 189 православных церквей» [9, с. 53], причем в некоторых районах – все без исключения [9, с. 54, 56, 57, 59]. «В военном 1942 г. в г. Новосибирске складывалась ситуация, когда на весь город и Новосибирскую область оставалась лишь одна Успенская кладбищенская церковь» [9, с. 64].

Можно только представлять масштабы уничтожения колоколов в Сибири: ведь каждая из церквей имела (пусть даже небольшой) набор колоколов. Сегодня в Новосибирске и Новосибирской области нам известна лишь

одна звонница, оснащенная исключительно дореволюционными колоколами – это звонница кафедрального Вознесенского собора, и та частично укомплектована ямскими колокольцами [6, с. 44–46]. Добавим к этому, что, как показывают собранные материалы, колокольный арсенал собора в указанном виде складывался последние десятилетия, т. е. не является исторически сохранившимся. Остальные храмы обладают либо колоколами современного литья (например, Преображенская церковь в Бердске, данные 2006 г.), либо смешанными колокольными наборами, куда включены старые и новые церковные колокола, а также их заменители (ц. Никольская, с. Новолуговое, 2004), либо наборами, состоящими только из суррогатов – газовых баллонов, рельс и т. д. (ц. Благовещенская на Шлюзе, 2003). Все эти звонницы появились в последние годы, так что понятие «исторический» к ним, разумеется, неприменимо. Поэтому судить обо всех указанных здесь инструментах с точки зрения сохранившейся традиции неправомерно.

Что же касается соблюдения традиции в плане обустройства звонницы, то тут складывается следующая картина. Результаты обследований различных образцов этого инструмента говорят о том, что к решению данного вопроса подходили и подходят с разными критериями и мерой ответственности. В одних случаях – со знанием дела, в других – руководствуясь лишь экономической целесообразностью, далеко не всегда отвечающей необходимым требованиям звонничного строительства. Но чаще всего сегодня приходится сталкиваться с полным незнанием теории и практики обустройства звонницы. Отсутствие колокольной культуры, столь характерное для нашего времени, повлекло за собой буквально разгул дилетантизма в отношении церковных колоколов, особенно в провинции.

Заметим, что звонница как звукоинструмент, несмотря на свою принципиальную многовариантность [7, с. 19], является вполне определенной и порой достаточно сложной акустико-механической системой. В ней, помимо качества звучания колоколов, должны учитываться конкретные конструктивные особенности. В первую очередь это

касается размещения колоколов на звоничной площадке, а также их балансирования*. Тем не менее писанные и неписанные правила, которыми обычно следует пользоваться при восстановлении звонницы, часто сегодня не учитываются.

Проиллюстрируем сказанное на конкретных примерах.

В 1996 г. автора этих строк пригласили в г. Куйбышев Новосибирской области для консультаций по обустройству звонницы церкви Иоанна Предтечи. Как выяснилось, к тому времени почти все новоприобретенные колокола уже были подвешены на колокольне. Однако висели они вопреки всем правилам размещения и подвеса. Несущие балки в проемах колокольни, где принято вывешивать небольшие колокола, отсутствовали, а внутренние были поставлены без учета технических норм. Крупнейший колокол звона, согласно желанию вкладчика (дарителя), был выставлен на самое видное место, у проема; малые и средние висели в глубине интерьера – на внутренней балке – и выше арок проемов. Иными словами, все было сделано наоборот.

Такая безграмотность сегодня – не столь редкое явление. Например, из десяти обследованных нами действующих звонниц Новосибирска и его окрестностей восемь по разным причинам не отвечают основным требованиям. Особенно примечательно в этом отношении обустройство звонницы в Колывани. Для ясности опишем ее подробно.

Звонница находится в каменной колокольне типа «восьмерик на четверике», на верхнем, подкупольном, ярусе. Помещение имеет четыре открытых проема арочной конфигурации, расположенных по сторонам света. В проемах горизонтально установлены деревянные балки, без колоколов. В интерьере на высоте около 2,5 м от пола площадки установлены еще две длинные балки – крестообразно, – закрепленные концами в глухих стенах восьмигранной колокольни.

На одной из внутренних балок размещены все колокола, от большого до самого маленького. Колокола висят в необычной для традиционной звонницы последовательности – таким образом, что малые оказываются в центре,

большие по краям. Такое нестандартное размещение противоречит акустическим законам (которые, как правило, учитываются при обустройстве инструмента), что неизбежно влечет неравномерность звучания звонницы в целом, особенно на расстоянии от храма.

Расположение колоколов диктует свои условия балансировки. Возможно, именно поэтому звонарь здесь звонит сидя, а не стоя, как это общепринято в России. Он сидит за педальным пультом, который поставлен у глухой стены, напротив балки с колоколами. Этот пульт представляет собой деревянную конструкцию, похожую на садовую скамейку со спинкой. Под ногами на небольшом расстоянии друг от друга параллельно закреплены три педали – дощечки длиной около 1 м и шириной около 10 см. К педальям (через систему специальных оттяжек) подсоединены веревки от языков трех самых крупных колоколов. Тяги трех малых колоколов ручного звона связаны в пучок. Расстояние от этих колоколов до звонаря около двух метров. Звонарь звонит ими преимущественно так: в одной руке держит веревки от двух колоколов (бьет одновременно в оба колокола), в другой – веревку от одного. Или каждой рукой управляет одной из трех веревок, задействуя только два колокола. Таким образом, в малые колокола он звонит обеими руками, что не является нормой у русских звонарей.

Подобное управление колоколами при звоне диктуется конструкцией звонницы и, вероятно, в данном случае является оптимальным. Но, повторяем, такая конструкция (с указанным развесом и балансировкой колоколов), как нам представляется, не типична для традиционной звонницы.

С другой стороны, нас как исследователя не могла не заинтересовать манера звонаря звонить сидя. Тем более, что подобный случай несколькими годами ранее был отмечен нами в Новосибирске. Так, сидя, на колокольне Вознесенского собора в 1995 г. звонил 85-летний звонарь Д. Г. Попов. Но тогда этому факту не предалось особого значения. Дело в том, что, по признанию звонаря, здоровье не позволяло ему долго стоять, поэтому он и установил стул, на который усаживался перед началом звона.

Звон в положении сидя не отмечался раньше другими исследователями. Поэтому описанные здесь случаи можно было бы расценивать как единичные, исключительные в своем роде. Однако, как показали наши дальнейшие исследования в этом направлении, подобное встречается и в других местах. Например, таким же образом, сидя, звонят еще и в Томске, на колокольне Троицкого храма (данные 1998 г.). Звонарь сидит на табурете, нажимая ногами на четыре педали; в руках у него веревочные связки от средних и малых колоколов.

Все три указанных случая, выявленные во время полевых исследований, склоняли к выводу о том, что в Сибири традиция балансирования колоколов имеет (а может, имела и ранее) свои региональные особенности. Однако со временем выяснилось, что это, возможно, и не так.

В подтверждение наших слов укажем на факт, упомянутый нынешним старшим звонарем храма Христа Спасителя в Москве И. В. Коноваловым. В своем письме автору этих строк, письме от 25 февраля 1999 г., он пишет: «Руководил звонами храма (Богоявленского патриаршего собора. – С. Т.) в те времена (1960-е гг. – С. Т.) ныне покойный Иван Иванович Довбня... человек, несомненно, талантливый, но имевший неполное представление о традициях московских колокольных звонов и привнесший в елоховский звон много странностей (звонарь трезвонит сидя и т. д.)». Хотелось бы здесь акцентировать внимание на времени, о котором идет речь в письме: 1960-е гг. Значит, сидя звонили и раньше, не только в наши дни.

Знаменательным в контексте рассматриваемого вопроса оказалось посещение колокольной Успенского кафедрального собора в Одессе (1999 г.). Как выяснилось, и там практикуется подобное положение звонаря при звоне. Звонарь (послушник Кима) сидит на специально сколоченном возвышении, установленном на невысокой деревянной платформе. Под ногами у него две педали (для каждой ноги) от двух самых больших колоколов звона, в каждой руке – по веревочной связке от пяти колоколов меньших размеров.

Из новейших наблюдений (2003 г.) сошлемся на результаты осмотра звонницы при недавно отстроенной Никольской церкви в пос. Нижняя Ельцовка под Новосибирском. Здесь языки трех крупнейших колоколов звона также управляются посредством педалей. Последние расположены в ряд на звонарском помосте, где поставлена небольшая скамья, на которой сидит звонарь.

Полученные данные относительно столь необычного для православных звонарей положения во время звона пока недостаточны, чтобы делать окончательные выводы, касающиеся, к примеру, географии его бытования или «возраста». Тем не менее уже сейчас ясно, что это не издержки нашего времени. Напомним, в частности, о «елоховских звонах», свидетельство о которых относится к 1960-м гг. Более того, имеется архивный материал полуторавековой давности, где отмечается следующее: «...я звонил стоя и сидя, действуя руками, ногами, локтями, коленями» [5]. Делать обобщающее заключение из этого указания, может быть, и не следует, но не принять его к сведению в качестве косвенного подтверждения было бы не предусмотрительно.

Описанные факты нетипичного способа воспроизведения колокольного звона весьма любопытны, и хотя большинство их имеет прямое отношение к Сибири, о сибирских региональных особенностях звона в этом плане говорить все-таки преждевременно. Возможно, здесь даже следует ставить вопрос о соблюдении (или несоблюдении) традиции как таковой. На наш взгляд, это одна из проблем, которая требует дальнейших исследований.

Сегодня Русская православная церковь весьма активно ведет работу по храмовому строительству, в связи с чем столь же активно по всей России ставятся звоны. В Сибири процесс восстановления колокольных звонов также развивается бурными темпами. С одной стороны, это радует, с другой – вызывает определенное беспокойство. Во-первых, часто, когда работа в этом направлении проводится своими силами, она делается второпях и непродуманно. Во-вторых,стораживает широкая практика приглашения специалистов по обустройству звонниц из других, отдаленных

регионов страны (например, из Архангельска). При всем уважении и личных симпатиях к этим специалистам нам трудно согласиться с целесообразностью их привлечения к такого рода работам. Несмотря на то что это высококвалифицированные мастера звонничного дела, они не в состоянии сориентироваться на месте и предложить варианты, хоть как-то учитывающие этнокультурную локальную специфику. Как правило, в таких ситуациях наши звонницы обустроиваются ими по стандартам, отработанным у себя, в европейской части России. В обоих случаях, особенно тогда, когда неизвестно кто и в какое время ставил звон, бывает сложно определиться в плане традиции. Несомненно, это одна из самых серьезных проблем для современного исследователя.

То же самое следует отметить и в связи с православно-колокольным исполнительством. Дело в том, что фактически уже не осталось потомственных звонарей, носителей знаний, навыков и духовности старой звонарской школы. В Сибири за все годы изыскательской деятельности нам удалось встретить лишь одного – Д. Г. Попова, звонаря новосибирского Вознесенского собора, который обучался звону еще в начале 1920-х гг. в Алтайском крае [8, с. 5].

Нынешние звонари, как показывают наблюдения, плохо или вовсе не знают подробностей относительно уставных звонов. Да и сама православная церковь, после 1917 г. оказавшаяся в затруднительном положении, сейчас склонна не столь строго соблюдать звонарские каноны, некогда ею же выработанные и закрепленные в соответствующих документах. Исследования современных православных звонниц в немалой степени подтверждают сказанное. Окончательно убеждаешься в этом при личном общении со священнослужителями и особенно в частных разговорах с самими звонарями. В доказательство наших слов обратимся к свидетельствам некоторых новосибирских звонарей.

Так, в церкви св. муч. Евгения в момент совершения богослужений звонов вообще не бывает (данные 1998 г.), хотя церковными уставами они предусмотрены. Молодой звонарь

храма П. И. Ганин объясняет это просто: некому звонить, так как сам он в это время поет на клиросе. Далеко не во всех случаях звонят и в новосибирском Вознесенском соборе. «Когда ходят с плащаницей вокруг храма, – говорит звонарь Д. Г. Попов, – перезвон я делаю, плащаницу когда Владыка несет. Я, значить, с большого колокола до маленького дохожу и с маленького до большого, по одному, вверх и обратно. Во все большие праздники звоню. И когда гости приезжают... Раньше Евангелие читали – звон был. Раньше! И Апостола читали, и “Верую” когда поют, звоны были. А сейчас этого нет. Раньше люди знали, сколько служба прошла, кто не в церкви. Значить, пропели “Отче наш” и, там, “Верую” – люди знали».

Не во всех положенных уставом случаях используются звоны и в колыванском женском монастыре под Новосибирском. В монастырском храме Ал. Невского не звонят, в частности, при обряде освящения воды, именно тогда, когда не последняя роль должна отводиться очистительной функции колокольного звона.

По православному обычаю при водосвятии (а также во время некоторых других обрядов) положен перезвон**. В Колывани же, по признанию монастырского звонаря послушника Владимира (Борисова), перезвон звучит лишь в Страстную пятницу при погребении плащаницы (сведения 1998 г.). Перебор здесь делают по порядку развеса колоколов, находящихся на одной балке. Но поскольку при оборудовании звонницы не был соблюден принцип поочередного убывания их веса, то звон получается не поступенный, направленный снизу вверх, как положено, а волнообразный. В результате перебора колоколов справа налево и затем в обратном направлении перезвон складывается из двух симметрично расположенных волн: вверх-вниз, вверх-вниз.

Напомним, что «страстной» перезвон – особая разновидность медленного перезвона, который помимо вечерни Великого пятка положен также на утрени Великой субботы. Он, если строго следовать канону, должен начинаться с самого большого колокола подбора и поочередно достигать самого малого, что, согласно церковному толкованию,

символизирует «истощание» физических сил Иисуса Христа на кресте. Однако колыбанный перезвон, как видим, весьма далек от канонического: он принципиально нарушает православную символику.

К медленной разновидности перезвона относится и перезвон похоронный. Напомним также, что в противоположность звону, посвященному Спасителю, похоронный по обыкновению исполняется, наоборот, от малого колокола к большому.

По-настоящему знающий и чтящий церковный канон звонарь обе разновидности медленного перезвона обязательно исполнит по-разному: в первом случае – вверх, во втором – вниз. К сожалению, подобные тонкости сейчас почти никому из нового поколения церковных звонарей неизвестны. Поэтому, например, в церкви св. муч. Евгения оба перезвона делаются в одну и ту же сторону – от большого колокола к малому. Таким же образом перебирают колокола, когда звонят похоронный перезвон в новосибирском храме архистратига Михаила (данные 2008 г.).

После перезвона у русских звонарей по традиции принято исполнять так называемый собственно звон***. Это обязательная (вторая) часть звона – как водосвятного, так и других с перезвоном. Однако в храмах Новосибирской области не везде и не во всех случаях к перезвону присоединяют вторую часть. Если при водосвятии, выносе креста и плащаницы она имеет место, то, в частности, в похоронном «проводе» собственно звон отсутствует. Как стало ясно из беседы с П. И. Ганиным – упомянутым звонарем церкви св. муч. Евгения, в данном конкретном случае это результат недостаточного знания традиции.

По той же причине в указанной церкви не делают различий между праздничными и будничными звонами. Показательно в этом отношении признание П. И. Ганина: «Я ничего этого не знаю, просто у меня грамоты такой нет. Просто я слышу, как – и все, я делаю. А если куда-то мне поступать учиться, то это надо ехать, а я не имею такой возможности».

В новосибирской церкви Ал. Невского, впрочем, как и в Вознесенском соборе, не делается различий относительно благовеста****.

Как нам доводилось слышать, здесь благовестят в один и тот же, самый большой колокол подбора, независимо от того, праздник это или будни, хотя в церковных книгах благовест в разные колокола оговаривается особо [2, с. 122; 3, с. 38, 39; 4, с. 704].

На вопрос, заданный Д. Г. Попову, по уставу он звонит или по указаниям настоятеля собора, звонарь ответил: «Нет, почему? Как сам я...» Аналогичные признания приходилось слышать и от других звонарей. Таким образом, напрашивается вывод, что звоны, их уставное соблюдение (или несоблюдение) фактически отданы на откуп самим звонарям, независимо от того, владеют они традицией или нет. Поэтому-то иной раз приходится буквально гадать: что это, очередная вольность звонаря или региональная специфика исполнения самого звона.

Проблемы, изложенные выше – как в плане учета конструктивных особенностей традиционной звонницы, так и с точки зрения соблюдения исполнительских канонов, – замыкаются на проблеме ремесленной грамотности звонарей. Об этом отчасти уже говорилось в связи с исполнением звонов (уточним, что и обустройство звонницы – прерогатива звонарей: именно они обычно занимаются этим вопросом). Однако если раньше традиционно искусство колокольного звона передавалось на месте, от наставника к преемнику, то сегодня ввиду отсутствия старшего поколения носителей традиции обучение предлагается так называемыми школами звонарей. Такие школы – новое явление для России, и относиться к нему можно по-разному. На наш взгляд, в сегодняшней ситуации их возникновение продиктовано осознанной необходимостью, связанной с восстановлением традиции колокольного звона. Пусть не в полном объеме, хотя бы частично, но они все-таки решают проблему ликвидации безграмотности нового поколения звонарей. В Новосибирске уже несколько лет функционирует одна из подобных школ. Она основана в 1997 г. кампанологом Л. Д. Благовещенской на базе церкви Михаила Архангела [1, с. 8]. Ее выпускники сегодня звонят на колокольных православных храмов многих городов Сибири. И надо сказать, что в

последние годы, по нашим наблюдениям, уровень звонарского искусства в Новосибирске и области заметно поднялся.

Тем не менее с появлением этой школы говорить о снятии проблемы, связанной с возобновлением локальной (сибирской) традиции, еще рано: она не изучена. Более того, у нас нет уверенности в том, что она вообще где-либо сохранилась в своем оригинальном виде, именно как живая традиция. Согласно исследованиям, результаты которых изложены в настоящей статье, сегодня на территории Новосибирской области не осталось ни одной исторической звонницы, прервана преемственная связь поколений в звонарском искус-

ве, во многом забыты православно-уставные основы колокольного звона.

Однако это вовсе не значит, что следует отказываться от дальнейших научных исследований. Такие исследования, несомненно, необходимы. В наши дни пока идет процесс накопления материала, из которого лишь со временем начнет складываться общая картина колокольно-звонной культуры в Сибири. И если даже следов старой традиции обнаружено не будет, подумаем о том, что, возможно, именно сегодня – в период, когда особенно активно у нас восстанавливаются звоны – происходит закладывание основ, на которых когда-нибудь заново начнет прорастать самобытная сибирская традиция.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Суть балансирования (балансировки) заключается в том, чтобы веревочные тяги от колокольных языков были рационально подведены к тому месту, где находится звонарь, управляющий колоколами во время звона. Для этой цели часто используются различные вспомогательные механические приспособления.

** Перезвон – поочередный перебор всех колоколов звонницы с заключительным аккордом «во вся».

*** Собственно звон – звон в несколько колоколов одновременно, где каждая из групп колоколов (больших, средних, малых) исполняет свою ритмически относительно самостоятельную партию.

**** Благовест – мерные (равными длительностями) удары в один из наиболее крупных колоколов звонницы; производится с целью призыва христиан в храм, для оповещения о предстоящем начале богослужения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Завершинская Е.* Школы звонарей России. Учимся искусству // Сибирская звонница. Новосибирск, 2008. № 2 (5). С. 8–9.
2. *Неаполитанский А.* Церковный устав в таблицах, показывающий весь порядок церковных служб рядовых и все особенности праздничных служб в течение времени года: в 3 ч. 11-е изд. М.: Изд. А. А. Ступина, 1907. 124 с.
3. *Никольский К. Т.* О колоколах и звоне: Пособие к изучению устава богослужения православной церкви. СПб., 1894. С. 31–44.
4. *Слободской С.* Закон Божий. М., 1991. 748 с.
5. *Смоленский С. В.* Воспоминания // ЦГАЛИ. Ф.720. Оп.1. Ед. хр. № 30. Л. 7–9.
6. *Тосин С. Г.* Звонница на рубеже тысячелетий. Новосибирск: НИПКиПРО, 2003. 132 с.
7. *Тосин С. Г.* Русская звонница: Конструктивные особенности и вопросы исполнительства: автореф. дис. канд. искусствовед. Новосибирск, 2001. 26 с.
8. *Тосин С. Г.* Сказ о звонаре сибирском // Новая сибирская газета. Новосибирск. 1996. № 15 (270). С. 5.
9. *Фурсова Е. Ф.* Разрушение православных храмов и состояние народной праздничной культуры в Приобье. 1920–1950-е гг. // Русские старожилы и переселенцы Сибири в историко-этнографических исследованиях. Новосибирск, 2002. С. 52–67.

REFERENCES

1. *Zavershinskaya E.* Shkoly zvonarey Rossii. Uchimsya iskusstvu // Sibir-skaya zvonitsa. Novosibirsk, 2008. N 2 (5). S. 8–9.
2. *Neapolitansky A.* Tserkovnyy ustav v tablitsakh, pokazuyayushchiy ves' poryadok tserkovnykh sluzhb ryadovykh i vse osobennosti prazdnichnykh sluzhb v techeniye vremeni goda: v 3 ch. 11-e izd. M.: Izd. A. A. Stupina, 1907. 124 s.

3. Nikol'sky K. T. O kolokolakh i zvone: Posobiye k izucheniyu ustava bo-gosluzheniya pravoslavnoy tserkvi. SPb., 1894. S. 31–44.
4. Slobodskoy S. Zakon Bozhiy. M., 1991. 748 s.
5. Smolensky S. V. Vospominaniya // TsGALI. F.720. Op.1. Ed. khr. N 30. L. 7–9.
6. Tosin S. G. Zvonnitsa na rubezhe tysyacheletiy. Novosibirsk: NIPKiPRO, 2003. 132 s.
7. Tosin S. G. Russkaya zvonnitsa: Konstruktivnye osobennosti i voprosy is-polnitel'stva: avtoref. dis. kand. iskusstvoved. Novosibirsk, 2001. 26 s.
8. Tosin S. G. Skaz o zvonare sibirskom // Novaya sibirskaya gazeta. No-vosibirsk. 1996. N 15 (270). S. 5.
9. Fursova E. F. Razrusheniye pravoslavnykh khramov i sostoyaniye narod-noy prazdnichnoy kul'tury v Priob'ye. 1920–1950-e gg. // Russkiye starozhily i pe-reselentsyy Sibiri v istoriko-etnograficheskikh issledovaniyakh. Novosibirsk, 2002. S. 52–67.